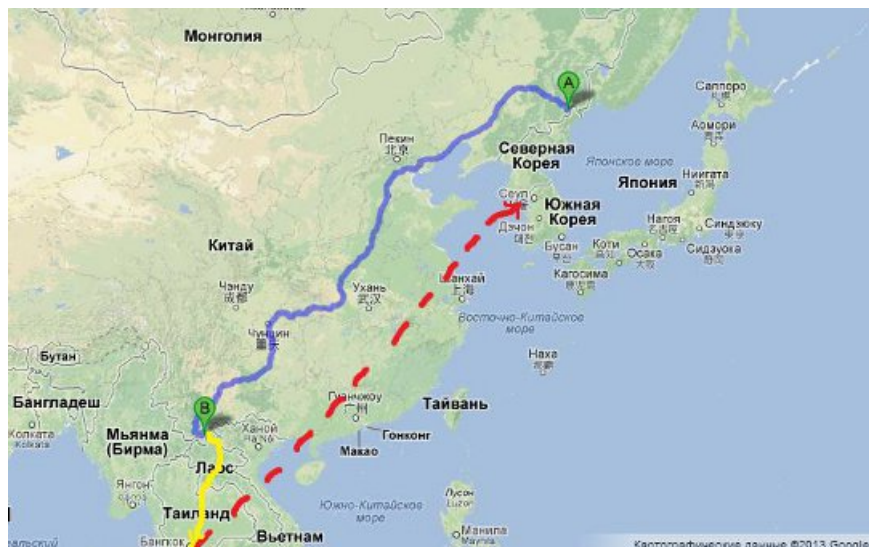


Измена родины

Кто, как и почему бежит из Северной Кореи в Южную?



В самый разгар последнего обострения обстановки вокруг КНДР, когда звучали даже угрозы ядерной атаки, я говорила в Сеуле с беженцами с Севера, которым в разное время с трудом удалось добраться до Южной Кореи. И это, конечно, было круто. Сначала выяснилось, что в КНДР уже давно не социализм. Потом — что со времен Великого переселения народов люди почти не изменились к лучшему. И наконец — что между Южной и Северной Кореей гораздо больше и гораздо меньше общего, чем можно себе представить издали.



— У меня все было хорошо. Я дослужился до подполковника, работал в отделении по борьбе с коррупцией — хлебная должность. Но однажды моего дядю расстреляли, его детей отправили в лагерь, родителей выгнали из хорошей квартиры, и я понял, что делать мне тут больше нечего. Я купил лодку за 200 долларов, взял с собой 17-летнего племянника, и мы, ориентируясь по звездам, поплыли на юг. Береговой охране сказали, что идем на рыбалку: людям в военной форме это можно. Мы три дня плыли по Японскому морю, не ели, не спали, приплыли в Южную Корею и сдались властям. Я сам не понимаю, как мы это сделали. (Ким Ёнчхоль, 40 лет.)



Мён Ёнхи 5 лет отслужила в северокорейской армии и, принимая секретное сообщение с юга, случайно спасла жизнь шпиону, который находился на юге. Агент захотел на ней жениться, но она его не любила. Поэтому она ушла из армии и вышла замуж за простого хорошего человека. Через несколько лет ее мужа арестовали за контрабанду антиквариата. Больше она его не видела.

— У меня все было хорошо. Мы с мужем торговали антиквариатом — продавали в Китай традиционную корейскую керамику — и жили лучше, чем все соседи. Но однажды на обратном пути в Корею моего мужа арестовали, и я даже толком не знаю, что с ним было дальше. Пыталась узнать в суде, но мне ответили: «Поищи себе лучше другого мужа». Это был намек, что он умер. Зимой 2012 года я связалась с группой людей, которые планировали общий побег. Сначала я не хотела брать с собой дочь, ей тогда было пятнадцать. Но она услышала, о чем я говорю по телефону, и сказала, что никуда я без нее не поеду. Пришлось взять и ее. (Мён Ёнхи, 52 года.)



— У меня все было хорошо, но однажды мою мать посадили на два года за экономическое преступление. На самом деле хотели посадить за политическое — общалась с южанами в Китае, — но доказательств не было. В 2007 году она вышла и сказала: «Отправляйся-ка ты, дочка, на юг, здесь тебе ничего не светит». (Ким Хянсук, 23 года.)



— У меня все было хорошо. Я был начальником молодежной организации на продовольственном предприятии. Но однажды на меня настучали, что я якобы член подпольного антигосударственного движения. Это было в 1996 году, когда начались перебои с продовольствием и неудачная политика партии стала бросаться в глаза. Я говорил об этом с друзьями, в результате замели меня и еще одного человека как организатора. Нас поместили в центр предварительного заключения под городом Чхончжин. Что там было, даже вспоминать не хочу. Били меня каждый день, выгоняли на мороз в мокрой одежде. Но я ни в чем не признался, и меня отпустили. А через два месяца в этом же центре от пыток умер друг, с которым нас вместе арестовали, — из него так и не удалось сделать лидера контрреволюционной организации, поэтому крайним опять оказался я. Однажды ночью из политической полиции за мной пришли второй раз. Но тут уж я набил морду двум офицерам, и мы с женой побежали в сторону границы — от нашего города это недалеко. Перебежали по льду реки Туманган и оказались в Китае. (Ли Ёнсу, 41 год.)



Корейская карма

Чтобы понять, что означает фраза «У меня было все хорошо», нужно хотя бы в общих чертах представлять себе мир, из которого они бежали. «Все хорошо» — это прежде всего хороший сонбун. Если вам посчастливилось родиться в стране чучхе, то ваша жизнь с детства определяется специальным штампом в личном деле: «особый», «основной», «базовый», «колеблющийся» и «враждебный».

Это зависит от того, что делали ваши предки по мужской линии при японцах и в 1950-е годы. Если отец, дед или прадед воевали вместе с Ким Ир Сеном, вам повезло: в личном деле ставится штамп «особый», и у вас есть возможность жить в Пхеньяне, преподавать в университете и работать в политической полиции. Но если ваш прадедущка «враждебный» — например, был коллаборационистом и помогал японцам, — то вас даже в армию не возьмут.

Информация о том, что делал прадедущка, хранится в администрации по месту жительства, в отделениях полиции и общественных организациях. На самом деле эта система гораздо сложнее, внутри групп есть несколько подгрупп — в общем, кастовое общество. Чхульсин-сонбун передается по мужской линии и может измениться только в худшую сторону.

Сахве-сонбун — общественный, определяется профессией и членством в партии, женсовете, союзе крестьян. Есть еще отдельный штамп «удостоенный аудиенции»: если вы попали на фотографию с вождем, у вас большие перспективы. Иногда хороший сахве-сонбун может компенсировать плохой чхульсин-сонбун, но чаще бывает наоборот: человека с плохим происхождением не примут в профсоюз и не удостоят аудиенции.

Если вы не из «враждебных», то после школы или института до 30 лет будете служить в армии. Именно поэтому северокорейская армия по численности на пятом месте в мире: срок службы по призыву в ней составляет 5–10 лет. После армии вы будете обязаны устроиться на работу. Если вы мужчина и у вас хороший сонбун, она может быть связана с разными левыми доходами — в службе снабжения или в отделе по борьбе с коррупцией.

Если же вы «базовый» или «колеблющийся», то вам лучше поскорее жениться: женщины в Северной Корее не обязаны ходить на работу, а в 2002 году им разрешили торговать на рынках. Как рядовой рабочий какой-нибудь фабрики вы будете получать два доллара в месяц, а ваша жена будет выращивать кукурузу на продажу или торговать китайскими шмотками.

Кастовая система в последние годы вытесняется соображениями экономической целесообразности — голод конца 90-х несколько сгладил сословные различия. Обладатели хорошего сонбуна, верившие в социализм, честно умерли с голоду, а «враждебные» принялись выживать своими силами. Основой экономики стала полуполюгальная предпринимательская деятельность.

А в целом в современной Северной Корее установился режим, который российский исследователь Федор Тертицкий назвал «смесью анархии с тоталитаризмом»: на официальном уровне чучхе — партийные собрания, сессии самокритики, а на неофициальном крутятся доллары и юани, идут переговоры по мобильникам через китайские сотовые сети, ведется внешняя и внутренняя частная торговля, основанная на взятках, связях и доступе к государственным ресурсам.

Все это, конечно, рискованная игра на грани: например, за поездки в Китай на заработки вас могут посадить, а могут и нет. Вы можете откупиться китайским DVD-плеером, а можете не откупиться и загреметь в лагерь.

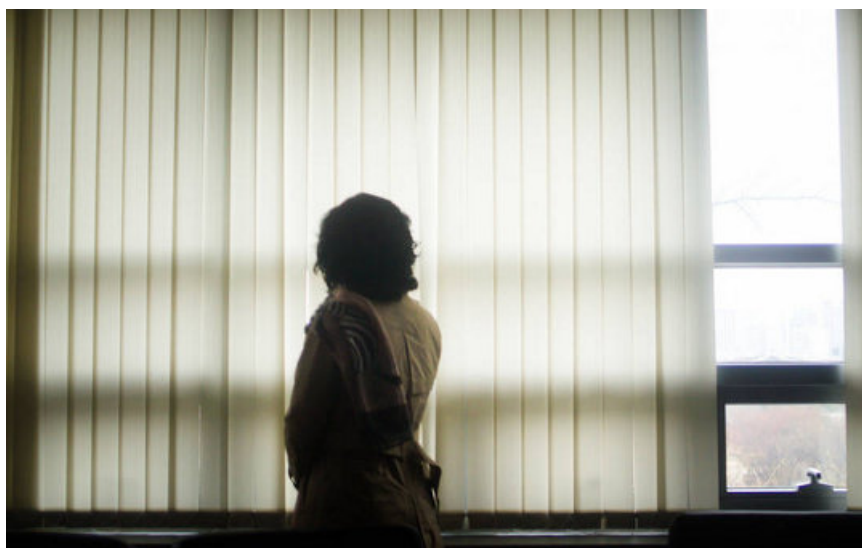
И вот представьте себе, что все наконец как-то устроилось, — и тут случается катастрофа. Кого-то из родственников ссылают в лагерь, ваш друг стучит на вас в политическую полицию, жену ловят на границе с партией женьшеня. И вы понимаете, что не только вы, но и ваши дети и внуки навсегда испортили себе карму. И вы решаетесь бежать.

Без билета в один конец

«Бежать на юг» — это совсем не на юг. Через южнокорейскую границу сейчас реально может убежать только солдат, которого отправили ее охранять. Обычному человеку лезть туда даже в голову не придет. Бежать надо в Китай. Более того, многие из перебежчиков именно туда и хотят, а про возможность уехать в Южную Корею узнают позже.

С Китаем у северян есть связи, у многих там живут родственники, и государство давно закрывает глаза на то, что жители КНДР, особенно из приграничных районов, ездят к соседям на заработки. Кроме того, в Китае есть довольно большая этническая группа местных корейцев, граждан Китая, среди которых можно раствориться. Граница охраняется не слишком жестко — ее можно пересечь за взятку или, если хорошо знаешь местность, тайком перебравшись через реку. В Китае корейцы могут зависнуть на несколько месяцев, лет или даже на всю жизнь. В период голода там оставались сотни тысяч корейских нелегалов. По словам одного северянина, из тех, кто целенаправленно бежит в Южную Корею, до Сеула добирается только каждый пятый. Поэтому следующую главу в истории типичного перебежчика следует назвать «Жизнь в Китае».

— Мы с матерью добрались до какой-то маленькой фермы и спрятались в свинарнике. Там нас обнаружил хозяин, сказал, что сдаст нас властям: за поимку нелегального мигранта там полагалось вознаграждение в 5000 юаней. Мама стала его умолять дать мобильник — позвонить дяде: он давно живет в Китае, у него там своя фабрика. А тот: «Отдай мне дочь и звони». Мы сделали вид, что согласны. Дядя, влиятельный человек, по телефону строго-настроено приказал ему нас не трогать. Потом приехал и выкупил нас за 5000 юаней. (Ли Нахён, 38 лет.)



— Жена бежала слишком медленно, нас поймали китайские пограничники и отправили обратно, — продолжает свой рассказ беженец, пославший в нокаут двух корейских кагэбэшников. — В Корею нас ждала машина с двумя полицейскими. Пришлось и им дать в морду, и мы снова по льду убежали в Китай, на этот раз удачно. Поселились у приятеля, он сделал нам фальшивые паспорта. У него есть дом недалеко от города Яньцзи — что-то вроде маленькой гостиницы. Там мы прожили два с половиной года — делали уборку, кормили собак, потихоньку учили китайский. Потом друзья позвали меня работать в южнокорейскую фирму в другом городе. У меня был опыт в китайско-корейской торговле, и я неплохо зарабатывал, притворяясь южанином. Но однажды на меня настучали.

В Китае все беженцы из Северной Кореи считаются нелегальными трудовыми мигрантами, которых нужно депортировать на родину, где их с большой вероятностью посадят, хотя это бывает и не всегда. Северян, у которых нет возможности натурализоваться в Китае, нередко прибирает к рукам криминальный мир, женщины часто становятся проститутками.

— Наверное, вы знаете, что «политика одного ребенка» привела к тому, что в Китае огромный перевес мужского населения, — говорит американец Тим Питерс, баптист, который помогает беженцам. — Поэтому нищие северянки часто подвергаются сексуальной эксплуатации — в форме проституции или вынужденного сожительства. Нередко у корейских женщин и китайских мужчин рождаются дети. Но всегда есть опасность, что мать отправят обратно в Северную Корею.

— Дядя сказал, что не может нас вечно скрывать и содержать, и мне пришлось выйти замуж, — говорит женщина, которая пряталась в свинарнике. — Меня выдали за китайца, я прожила с ним три года, родила ребенка. Однажды мой сын сказал: «Мама, почему ты не говоришь по-китайски? Мне за тебя стыдно». Тогда я оставила его у бабушки и решила ехать в Южную Корею.

Тут уже начинается третий этап — «Бегство из Китая». Южнокорейское посольство в Пекине, не желая портить отношения с китайскими властями, не помогает почти никогда — разве что очень высокопоставленным перебежчикам, которые представляют интерес для государства. Поэтому надо бежать через третью страну: Монголию, Лаос или Вьетнам. Все это тоже режимы далеко не дружественные. Дружественный — Таиланд, но до него еще надо добраться. Вот, например, как бежал через Монголию тот супермен, который повырубал на своем пути всех полицейских. К моменту бегства из Китая у него уже была двухлетняя дочь.

— В 2002 году мы запаслись водой, продуктами и на перекладных доехали до монгольской границы, которая проходит по пустыне Гоби. Там нам пришлось преодолеть несколько рядов колючей проволоки. Где-то мы ее приподнимали, где-то пришлось копать землю. Двенадцать часов мы шли по пустыне в сторону железной дороги. Добрались до какой-то станции, там нас поймала монгольская полиция. «Ой, — говорим, — мы южнокорейские туристы, заблудились, помогите связаться с посольством». Они позвонили в посольство, тут уж мы рассказали все как есть, и нас забрали в Улан-Батор, а через две недели отправили в Сеул.

Брокеры

А вот неудавшийся вьетнамский сценарий с участием брокера — посредника, который вывозит людей за деньги:

— Брокер привез нас в ресторан в Ханое и сказал, что его вьетнамский партнер подойдет через полчаса. Но за эти полчаса и нас, и брокера поймала полиция. Три недели нас мариновали в отделении, в итоге отправили обратно в Китай. А мы по-китайски не говорим, вообще ничего тут не знаем. Сели на паром и опять приплыли во Вьетнам. Они нас опять в Китай. Мы — опять во Вьетнам. Нас — опять в Китай. Три раза так туда-сюда плавали, потом все-таки нашли в Китае гостиницу. На следующий день нам прислали другого брокера, он сказал, что доведет нас до границы с Лаосом. Там мы 10 часов шли по горам через джунгли, а на той стороне нас уже встретил лаосский брокер. Он на машине довез нас до Таиланда, где сразу по виду определили: ободранные, грязные — ясно, что из Северной Кореи. Полиция отправила нас в южнокорейское посольство, где есть специальный центр для содержания таких беженцев.

Брокер — это 60-летняя тетенька с сумочкой, которую никогда не заподозришь в подпольной деятельности. Г-оспожа Чхве Минсук (имя изменено) официально работает в Южной Корее социальным работником, ухаживает за инвалидами и стариками. Но на самом деле занимается она совсем другим: за деньги помогает северокорейским беженцам вытащить из КНДР родственников.



Ежегодно через подпольную сеть госпожи Чхве проходит от 50 до 70 человек. Услуга стоит восемь тысяч долларов плюс еще тысяча, которую получает она сама. Чтобы заработать эту сумму, северокорейскому беженцу в среднем требуется лет пять. Но можно еще рассчитывать на подъемные, которые перебежчик потом получит от государства — около 5000 долларов. Когда-то Минсук сама прошла все этапы бегства из КНДР и в процессе наладила необходимые связи.

— Предоплату — четыре тысячи — я сразу перевожу на банковский счет китайского партнера. Из них три с половиной тысячи он отдает северокорейскому брокеру. Это обычный человек, который живет недалеко от границы и знает, кому давать взятку. Вторая половина уходит на все остальное: людей довозят до Яньцзи, где есть подпольное убежище, потом до границы с Лаосом и через Лаос до Таиланда.

От Яньцзи до границы с Лаосом больше 4000 километров. По Китаю едут семь суток на общественном транспорте с пересадками. Брокер садится в междугородний автобус вместе с группой беженцев, но не подает виду, что с ними знаком — общаются только взглядами.

- Тут мы ничего не гарантируем — иногда документы проверяют только у водителя, иногда у всех пассажиров. Если беженца обнаружат и депортируют в Корею, предоплата не возвращается.

— А детям скидку делаете?

— Нет, что вы! С детьми даже сложнее: младенец может в самый неподходящий момент закричать и привлечь к себе внимание, поэтому им приходится колоть снотворное.

В дружественном Таиланде цепочка брокеров заканчивается, и беженцы вытаскивают специально заготовленные флаги Южной Кореи, чтобы полиции было проще понять, кто они такие. По словам госпожи Чхве, в последнее время поток беженцев уменьшился: границу стали жестче охранять, тарифы повысились, кроме того, говорят, что Ким Чен Ын возвращает семейную ответственность за преступления — правило, при Ким Чен Ире практически не применялось.

Американец Тим Питерс не любит, когда его сравнивают с брокерами, хотя, по сути, он делает то же самое, только бесплатно. Его баптистская организация Helping Hands построила «секретную дорогу» — несколько подпольных общин в Китае, Лаосе и Вьетнаме, приют для корейско-китайских сирот, центры помощи северокаорейским женщинам, которые стали жертвами насилия. Иногда Питерсу приходится выкупать своих подопечных: например, однажды во Вьетнаме полицейский запер беженца у себя дома и сказал, что отправит его обратно в Китай, если не принесут выкуп.

— Мы отличаемся от брокеров тем, что они в случае непредвиденных проблем всегда могут бросить клиента. А мы отвечаем за человека до тех пор, пока тот не будет в безопасности.

Питерс считает, что, если бы Китай изменил свою политику в отношении беженцев, режим Кимов мог бы рухнуть за несколько месяцев.

— Если южнокорейское посольство в Пекине согласится принимать северян, слух об этом разнесется, как лесной пожар. Люди побегут, и их уже ничто не остановит. Объединение, о котором много лет говорят только в теории, произойдет в считанные часы. Но, к сожалению, у Китая свои геополитические интересы: он собирается использовать северокаорейский порт для своей торговли и не хочет портить отношения с Пхеньяном.

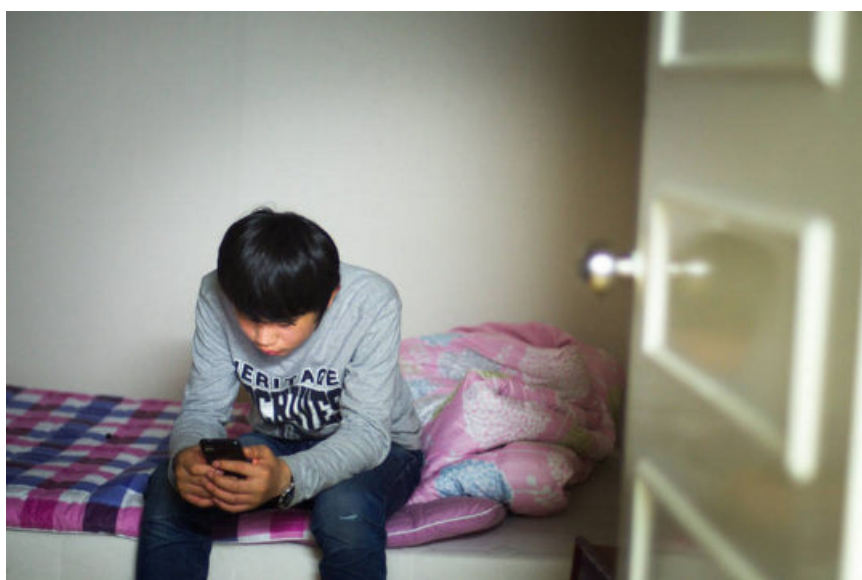
Единственное, чего Питерс не делает, — это помощь в пересечении северокаорейской границы.

— Мы не убеждаем людей бежать из Северной Кореи и не помогаем им в этом. Но уж если они решились и попали в беду, то мы на их стороне. Между прочим, наша секретная дорога работает и у вас — недавно мы помогли добраться до Москвы нескольким корейцам, бежавшим из трудового лагеря в Маньчжурии, в который Северная Корея отправляет своих граждан работать. Они там рубят российский лес и этой работой гасят северокаорейский долг перед Россией.

Российские спецслужбы не намного дружелюбнее китайских — нередко они ловят корейцев прямо в отделении ФМС, куда они приходят, чтобы попросить статус беженца, и отправляют на родину.

После приезда в Сеул северян несколько недель проверяют в южнокорейской контрразведке. Кандидатов на гражданство просят подробно рассказать о себе, могут попросить нарисовать карту родного города. Это нужно, чтобы убедиться, что он не северный шпион и не китайский кореец: китайские корейцы по диалекту и внешнему виду похожи на северных и тоже часто едут в Сеул за хорошей жизнью. После расследования перебежчика отправляют в центр временного пребывания Ханавон, где он три месяца проходит обучение основам капитализма.

Сонбун в стране самсунга



— Оказывается, нас обманывали! Нам говорили, что при капитализме невозможно жить без денег, а выходит совсем не так. Здесь есть и социальные пособия, и жилье для нуждающихся, и бесплатное образование. Я и не представляла себе, что Южная Корея стала такой развитой!

Чхве Сехван и Син Сохе попали в Южную Корею несколько месяцев назад. На специальных курсах для перебежчиков они узнали, как пользоваться банкоматом, как покупать еду в супермаркете, что такое налоги и медицинская страховка. Но на то, чтобы полностью адаптироваться в капиталистическом мире, им понадобится еще несколько лет. А может быть, им это не удастся уже никогда.

Все, что они привезли с собой, — никому не нужные сертификаты об образовании и стопка фотографий. Вот их свадьба: Чхве Сехван и Син Сохе на фоне угрюмого правительственного здания с надписью «Чучхе». Вот юбилей какого-то высокопоставленного товарища — на столе несколько тарелок с рисом и мясом, небывалое для простого человека изобилие. Вот их сын в группе мальчиков-гимнастов. И подпись: 15 апреля 93-го года. Девяносто третий — это год «эры чучхе», то есть со дня рождения Ким Ир Сена. Сегодня по этому летоисчислению 102 год.

Сехван и Сохе недавно выписались из Ханавона, где получили подушки, одеяла и базовый набор навыков жизни в капиталистическом обществе: на трехмесячных курсах им объясняли, как покупать билет в метро, как пользоваться банкоматом, что такое налоги и медицинская страховка. Их водили в рестораны и супермаркеты, учили покупать одежду и стричься в парикмахерской.



Ни в одной стране мира государство не обращается с беженцами так гуманно. По южнокорейским законам никакой КНДР не существует, поэтому беженцы сразу получают паспорт Республики Корея, кучу социальных благ и подъемные, которые, правда, обычно уходят на погашение долга брокеру. За семью Сехвана зааплодировала его сестра, которая перебралась сюда на несколько лет раньше.

Сейчас Сохе учится на сиделку, а Сехван — на автомеханика. В мастерской он никому не говорит, откуда приехал. Но это и так видно: он гораздо ниже других учеников и раза в два старше. Работу будет найти непросто: здесь, как везде в Азии, культ возраста, и вряд ли кто-то захочет иметь в подчинении низенького застенчивого человечка, к которому по правилам корейского языка обращаться надо уважительно-подобострастно. А он еще даже не освоил таких элементарных слов, как «сыкхеджуль» (от английского schedule, деловое расписание), «аллам сиге», (от английского alarm, будильник), «сыматхы» (от smart, умный), «нетхывокхы» (от network, сеть) «хэндыхон» (от handphone, мобильный телефон), и множества других англицизмов, которыми полна южнокорейская речь.

У себя на родине Сехван получал на фабрике 3 доллара в месяц. Он ходил на работу, а его жена зарабатывала: торговала кукурузным самогоном, посредничала при заготовках популярного в азиатской кухне съедобного папоротника орляк — принимала заказ на очередную партию, посылала крестьян в горы за орляком и сдавала его госпредприятию, которое поставляло продукцию в Китай. В среднем выходило около 800 долларов в месяц, но это только в сезон, летом.

Положение северян на Юге в целом незавидное: большинство из них сидит на социальном пособии, некоторые уходят в криминал. Если они и устраиваются на работу, то не самую престижную, и получают в среднем в два раза меньше среднестатистического южанина. Женщины, приученные к проституции в Китае, не

находят ничего лучшего, чем заняться ею и в Южной Корее. "В Северной Корее жить трудно, потому что жрать нечего. В Китае жить трудно, потому что всего боишься. А в Южной Корее жить трудно, потому, что ничего не понимаешь," - цитирует Андрей Ланьков слова одной северянки. Отношение южан к беженцам здесь примерно такое же, как во всех развитых странах мира: смесь страха, стыда и брезгливой жалости. Если кто-то из местных корейцев женится на северянке, то старается это не афишировать: женщина без семьи, без социальных корней, с какими-то непонятными проблемами - это, конечно, не совсем проститутка, но все равно на грани приличия, примерно как жена-инвалид. Многие не выдерживают такого напряжения и повторно эмигрируют: например, летят с южнокорейским паспортом в Лондон и просят убежища как северные корейцы. Есть даже несколько случаев побега обратно на Север, где власти стараются извлечь из возвращенцев идеологическую выгоду и посылают их читать по стране лекции об ужасах капитализма.

Но вот что интересно: социальный маршрут северян на Юге во многом определяется тем, кем они были на родине. Люди, которые успешно встраивались в социальную иерархию страны чужде, относительно успешны и здесь. А выходцы из низов и на Юге оказываются на социальном дне. Секретарь партийной ячейки не пойдет в дворники, а сыну крановщицы не придет в голову поступать в университет.

— Если человек преподавал в ВУЗе, был врачом или крупным чиновником, то здесь он, скорее всего, так или иначе восстановит свой статус, — говорит кореевед Андрей Ланьков. — Если работал в сфере госбезопасности, то ему местное Министерство объединения еще и денег даст за секретные сведения. А вот бывшие цеховики и фарцовщики в южнокорейском бизнесе место найти не могут. Потому что они работают по совсем другим правилам. Навыки самогоноварения и переговоров с китайскими контрабандистами мало востребованы в чеболях. Так что получается, что и здесь не последнюю роль играет сонбун — в личном деле никакого штампа нет, но в голове он остается.

Корейский шаламов

Кан Чхольхван в детстве очень любил аквариумных рыбок. В Пхеньяне в 1977 году почти у каждого ребенка были рыбки, но у Кана это была настоящая страсть — у него в комнате был десяток аквариумов, о которых он думал во время всех школьных уроков: как там гуппи без него, не остыла ли вода, хватает ли корма?

У Чхольхвана вообще было счастливое советское детство — с холодильником, пылесосом и даже цветным телевизором, по которому шел детективный сериал «Чистые руки». Дед был большим начальником — это он перетащил когда-то всю семью из Японии под влиянием коммунистической организации «Тёсен Сорен» («Ассоциация японских корейцев»), которая агитировала за репатриацию корейцев, отрезанных от родины после поражения Японии во Второй мировой войне.

Когда за ними пришли, чтобы отправить в Ёдок, офицер полиции сначала не разрешил взять аквариум. Но девятилетний Чхольхван устроил такую истерику, что ему сказали: «Ладно, бери». Следующие десять лет своей жизни Чхольхван рыл землю, ел крыс и ящериц, болел «розовой болезнью» пеллагрой, хоронил мертвых и славил Ким Ир Сена на сеансах самокритики. Он видел, как набивают камнями рот человека, который перед казнью пытался крикнуть, что вождь - сукин сын. Как его ровесников бросают в котел с нечистотами и заставляют ползать по полу перед классом, повторяя: «Я собака». Как избивают беременную женщину за то, что она хочет «родить от предателя».

Ёдок — это зона семейного типа для родственников политзаключенных. Условия там считаются достаточно мягкими: в лагерях для политических многие умирают в течение первого года. Чхольхван попал в Ёдок как внук врага народа — вместе с отцом, дядей, сестрой и бабушкой. Как его дед, большой начальник, стал врагом — непонятно. Скорее всего, поссорился с кем-то из Ассоциации японских корейцев. Кроме того, семья Кан жила по корейским меркам вызывающе хорошо: у них, например, была привезенная из Японии машина «Вольво», которую пришлось сдать государству. Так или иначе, в лагере оказались все родственники, кроме матери Кана: она была дочерью героя революции, поэтому ее заставили развестись с мужем и в лагерь не взяли.



Кан прожил в Ёдоке с 9 до 19 лет, потом был амнистирован, но спустя пять лет, когда возникла угроза нового ареста (он слушал южнокорейское радио), уехал в Китай, а потом в Южную Корею. Обо всем этом он в сотрудничестве с французским журналистом написал книжку и стал одним из самых известных перебежчиков в Южной Корею.

В общении Кан — человек в футляре, очень флегматичный и сдержанный. Да, он преодолел негативный опыт и смог успешно адаптироваться в капиталистическом обществе. Да, его по-прежнему мучают страхи и снятся сны про лагерь. Обо всем этом он говорит с вежливой улыбкой, доброжелательной ровно настолько, насколько требуют стандарты светского общения.

— Советские диссиденты писали, что лагерь был для них школой жизни, помог узнать людей, научил чему-то хорошему, — говорит Кан. — Мой опыт говорит об обратном. Я научился обманывать и воровать, после лагеря я стал агрессивным, мне все время хотелось драться. Единственное, что я узнал о людях, — до какой степени они похожи на животных, когда оказываются на грани жизни и смерти. С тем отличием, что животные не отбирают еду у детенышей.

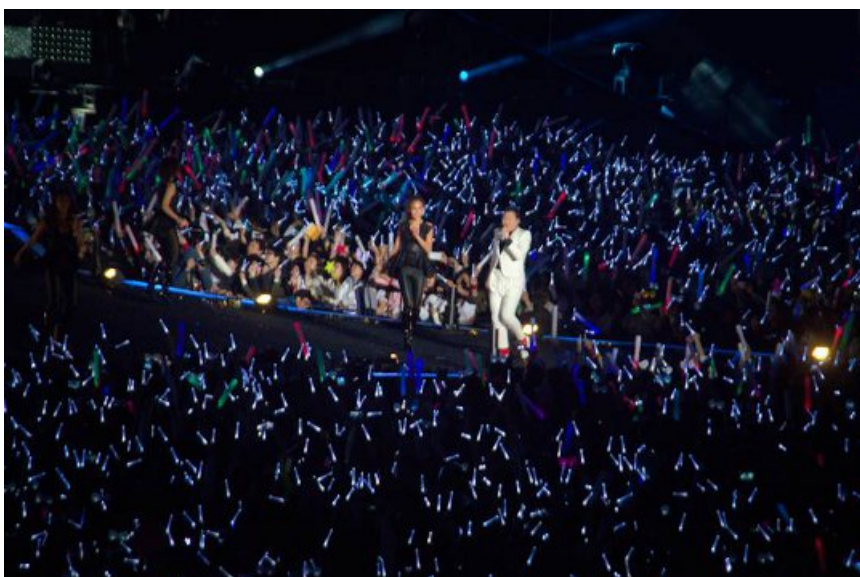
— А что случилось с рыбками? Они умерли?

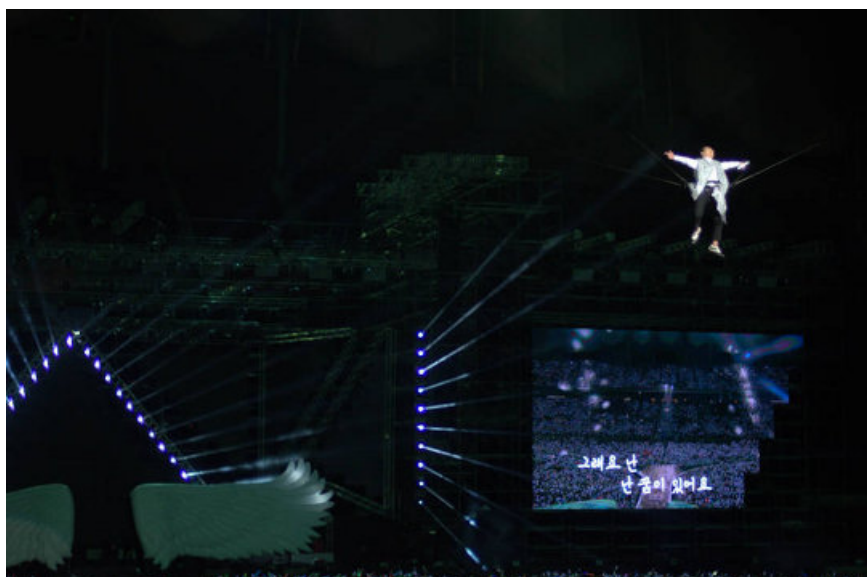
— В первую же зиму, — Кан улыбается, приоткрывая свой футляр ровно настолько, насколько нужно. — Я пытался в лагере за ними ухаживать, собирал каких-то червячков, но когда температура упала ниже нуля, они просто замерзли. Но меня в тот момент это уже не очень волновало.



Слушая рассказы беженцев, поневоле задаешься вопросом: почему эти чудовищные истории интересуют по большей части иностранных журналистов, почему за этими героями не охотятся южнокорейские СМИ?

Чтобы получить ответ, нужно ехать даже не на северокорейскую границу, а на концерт PSY, где мальчики и девочки с пластмассовыми кошачьими ушами размахивают светящимися палочками в такт песне Gangnam Style.





Или посмотреть на сеульские небоскребы сквозь новое изобретение «Самсунга» — окно, которое может работать монитором компьютера. Прозрачность окна регулируется — можно смотреть на улицу и одновременно проверять почту, а можно просто проверять почту.



Или поиграть в футбол роботами.



Или просто пройтись по магазинам: ни в одной стране мира нет такого разнообразия креативной обуви.

До Северной Кореи здесь никому нет дела. И это, как говорит американец Тим Питерс, the most shocking thing — больше всего шокирует.

— Наша организация с оборотом в несколько десятков тысяч долларов существует на добровольные пожертвования, — поясняет Питерс, — Угадайте, сколько в этом году мы получили от граждан Республики Корея? 200. Одна христианская община перевела нам 200 долларов. Все!

На южнокорейских картах вообще нет Севера: даже в букварях детям в качестве родины предлагается только Хангук — Южная Корея по-южнокорейски. Самоназвание Северной — Пукчосон. «Пук» — это север, «Чосон» — древнее слово для обозначения корейского государства. В северокорейских учебниках географии южная часть страны — Намчосон: тоже «Чосон», но только «Нам» — южный. На северных картах есть и Сеул, и другие районы страны — в соответствии с административным делением, принятым на Юге. Этим во многом объясняется отсутствие угрызений совести у изменников родины: они бегут не за границу, а в свою же Корею. И обнаруживают, что братья-корейцы про них давно забыли. Вернее, вытеснили на периферию, как человек вытесняет грязные и страшные образы, всплывающие из глубины подсознания.

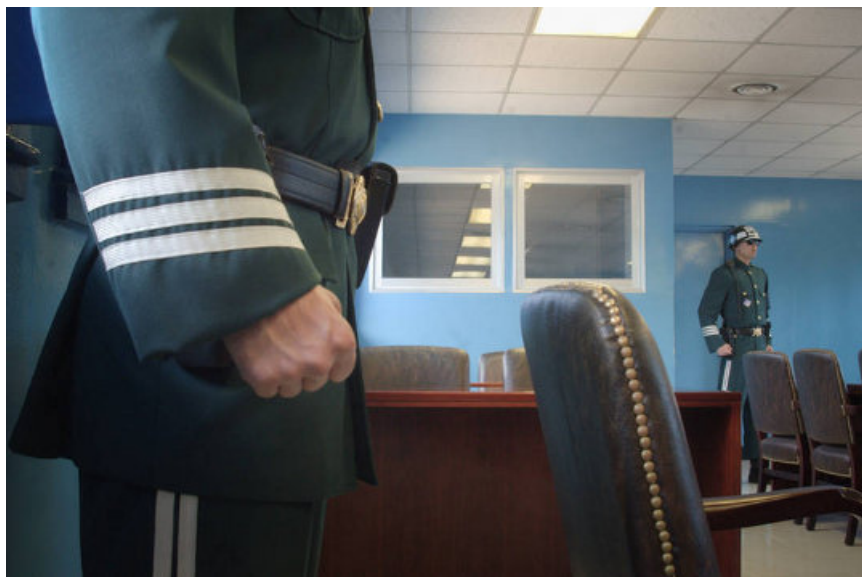
Ким Хян Сук с детства смотрела южнокорейские сериалы, которые ее мать привозила на дисках из Китая. Однажды мать посадили за нелегальное пересечение границы, а на самом деле — за то, что в Китае она общалась с южанами. Когда мать вышла из тюрьмы, она посоветовала Хянсук как можно скорее уехать из страны.

— Если спросить обычного южнокорейского школьника про Пукчосон, он посмотрит с удивлением и спросит: а

это где? Мне кажется, это не лучшая политика, если страна хочет объединения, — недоумевает 23-летняя Ким Хянсук, бежавшая из-за матери.

На официальном уровне в Южной Корее, конечно, много говорят об объединении, но на самом деле его никто не хочет:

— Для Южной Кореи нет ничего хуже, чем вступить в войну и выиграть ее, — говорит Андрей Ланьков. — Северная Корея, конечно, проиграет, но перед этим успеет сделать достаточно артиллерийских залпов, чтобы разрушить половину Сеула, который находится в 50 километрах от границы. И после этого правительству придется не только восстанавливать город, но что-то делать с 20 миллионами северян, которые ничего не умеют, очень хотят есть и привыкли голосовать, за кого скажут. Возьмите пример Восточной и Западной Германии и умножьте его на десять. Для южнокорейского общественного деятеля сказать, что он не хочет объединения, — политическое самоубийство. Но для самой страны самоубийство — объединение.



На фотографиях это выглядит грозно, но на самом деле самая охраняемая граница в мире давно стала диснейлендом. Американские экскурсоводы водят туристов по военным объектам: можно сфотографироваться с пограничником, можно даже постоять на территории Северной Кореи — в переговорной комнате, которая де-факто вся находится на ооновской территории: граница формально проходит через стол. Можно бросить монетку и посмотреть в бинокль на туманные очертания северных потемкинских деревень, которые южане демонстрируют чуть ли не как свою собственную гордость. В деревне на той стороне уже много лет подряд включают и выключают свет, чтобы показать, что там кто-то живет. Но для южнокорейского глаза этот устаревший аттракцион не идет ни в какое сравнение с концертом PSY.

Корейский контраст поражает именно потому, что кажется радикальным выражением того, что вообще произошло в мире. XX век с его ужасами, вопросами жизни и смерти, которые ошеломляют в рассказах беженцев, вдруг оказался маргинальным и никому не интересным. Потребительский рай в этих категориях не

нуждается.

В сувенирном магазине на границе я покупаю красивую военную сумку с карманами и бутылку северокорейского алкоголя. Рядом со мной мужчина средних лет из Сеула делает глоток — пробует Северную Корею на вкус. Морщится, ругается, но бутылку не выбрасывает. Говорит, что поставит ее у себя дома на кухне. Из патриотических соображений.



Источник - "[kunstkamera.livejournal](https://kunstkamera.livejournal.com/)"

Юлия Вишневецкая

Автор: Артур Скальский © Babr24.com В МИРЕ, РОССИЯ 👁 4677 02.05.2013, 10:02 📄 653

URL: <https://babr24.com/?ADE=114659> Bytes: 32956 / 31688 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: [Станислав Цырь](#)

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)